

Антонія, Николая Мистика, Евѳимія и опять Николая Мистика (описание вторичнаго патріаршества Николая сдѣлано единственно для полноты картины, такъ-какъ второе патріаршествованіе Николая происходило уже не при Львѣ). Въ заключительныхъ главахъ сочиненія г. Поповъ говоритъ о положеніи законодательства и духовной образованности во времена Льва, о управленіи церкви, состояніи духовенства, монашества, и указываетъ черты религіозно-нравственнаго состоянія общества. Въ приложеніяхъ помѣщены четыре „слова“ императора Льва въ русскомъ переводѣ, сдѣланномъ самимъ авторомъ, и посланіе Ареѳы, митрополита кесарійскаго (въ Каппадокіи) тоже въ русскомъ переводѣ самого г. Попова. Это послѣднее произведеніе еще не было напечатано и является новинкой въ литературѣ: оно заимствовано изъ синодальной бібліотеки въ Москвѣ.

Какъ видимъ, авторъ изучаетъ предметъ изслѣдованія со всѣхъ сторонъ, и вдобавокъ—судитъ о немъ вообще правильно и здраво. Особенное значеніе труда автора придаетъ то обстоятельство, что авторъ пользуется въ своихъ цѣляхъ однимъ изданіемъ нѣмецкаго ученаго De-Boog'a подъ заглавіемъ: *Vita Euthymii* (Berlin 1888). „Жизнь Евѳимія“, этого патріарха времени императора Льва, представляетъ собою въ полномъ смыслѣ слова новинку Византійской письменности. А главное—это житіе обогащаетъ новыми свѣдѣніями историка, описывающаго исторію споровъ въ Византіи изъ за четвертаго брака императора Льва, и проливаетъ много свѣта на эти споры. Указаннымъ изданіемъ De-Boog'a въ русской ученой литературѣ еще никто не пользовался, и потому привлеченіе этого цѣннаго матеріала къ изученію царствованія Льва даетъ серьезный интересъ сочиненію г. Попова. Да и въ иностранной литературѣ разсматриваемое „житіе“ мало обратило на себя вниманія. Только издатель „житія“ De-Boog, на основаніи этого памятника составилъ что то въ родѣ подробнаго очерка жизни и дѣятельности Евѳимія, но De-Boog, очевидно, увлекается своимъ открытіемъ и рисуетъ жизнь Евѳимія далеко не безпристрастно; важнѣе же всего то, что изслѣдователь при этомъ не отдаетъ должнаго уваженія патріарху Николаю, противнику четвертаго брака Льва. Нашему автору необходимо было осторожно пользоваться какъ изданіемъ, такъ и изысканіями De-Boog'a и при томъ же вступать въ полемику съ этимъ ученымъ. Г. Поповъ такъ и поступаетъ и ведетъ свое дѣло съ успѣхомъ. Впрочемъ и нашъ авторъ въ частныхъ вопросахъ, какъ кажется, даетъ больше

вѣры пятятнику: Vita, чѣмъ сколько этотъ заслуживаетъ.—Какъ на характеристическую черту работы автора слѣдуетъ указать на то, что онъ всегда старается устранять противорѣчія въ извѣстїяхъ, и давать ясный и опредѣленный отвѣтъ на то, почему и какъ произошло это или что другое. Онъ старается устранять всякія ведоумѣнія, могуція рождаться въ умѣ читателя. Конечно, въ подобныхъ случаяхъ авторъ говоритъ не всегда въ тонѣ большой увѣренности и не всегда удовлетворяетъ читателя; но тѣмъ не менѣе онъ дѣлаетъ все зависящее отъ него, ради разъясненїя дѣла. Нельзя не поставить въ похвалу автора и то, что онъ стремится къ надлежащей отчетливости представленїй даже въ мелочахъ; такъ, если въ его рѣчи встрѣчается названіе какаго либо дворца, монастыря, малоизвѣстнаго лица или не совсѣмъ понятнаго обычая, то онъ всегда въ примѣчанїяхъ даетъ доступныя для него разъясненїя: какой въ данномъ случаѣ разумѣется дворець, монастырь или обычай и т. п.

Разумѣется, въ сочиненїи можно находить и нѣкоторые недостатки. Къ числу такихъ можно относить слишкомъ большую довѣрчивость автора къ труду іеромонаха Герасима Яреда, въ которомъ подробно говорится о религіозно-политическихъ партїяхъ въ Византіи до конца IX вѣка. П. Поповъ, кажется, не знаетъ того, что взгляды о. Герасима вызвали серьезныя замѣчанїя въ русской литературѣ, такъ что въ настоящее время указанные взгляды безъ нѣкоторыхъ поправокъ едва ли могутъ быть пускаемы въ научно-литературный оборотъ. Характеристика императора Льва чужда жизненности и представляется блѣдноватою, не смотря на значительное количество, собраннаго для этой цѣли авторомъ, матеріала. Цитированїе авторомъ источниковъ и пособїй по мѣстамъ слишкомъ обильно, хотя нужно сознаться, что обилїе въ этомъ случаѣ предпочтительнѣе скудости. Иногда въ сочиненїи встрѣчаются мысли, не чуждыя странности. Наприм., мы никакъ не ожидали встрѣтить у человѣка, занимающагося наукой, слѣдующаго замѣчанїя: образованность, вопреки обыкновенїю(!), не подавляла у патріарха Николая его религіозной настроенности“ (209).

По обстоятельности, основательности и обработанности, сочиненїе П. Попова, по нашему мнѣнїю, принадлежитъ къ разряду такихъ, за которыя можно присуждать не только степень кандидата, но и магистра богословїя“.

26. Отзывъ ординарнаго профессора Е. Голубинскаго о сочиненіи Александра Прозоровскаго: „Сильвестръ Медвѣдевъ“.

Сочиненіе г. Прозоровскаго представляетъ собою первую часть полнаго изслѣдованія о Сильвестрѣ Медвѣдевѣ: не касаясь письменныхъ трудовъ Медвѣдева, обзоръ и разборъ которыхъ долженъ составить вторую часть изслѣдованія, оно посвящено его жизни и дѣятельности или составляетъ его біографію. Сочиненіе состоитъ изъ шести главъ: въ первой главѣ, служащей какъ бы введеніемъ,—обзоръ литературы о Медвѣдевѣ; во второй главѣ—жизнь Медвѣдева до принятія монашества; въ третьей главѣ—принятіе Медвѣдевымъ монашества и поселеніе его по принятіи монашества въ Москвѣ; въ четвертой главѣ—дѣятельность Медвѣдева до смерти царя Оедора Алексѣевича; въ пятой главѣ—споры о времени пресуществленія свв. даровъ; въ шестой главѣ—последняя печальная судьба Медвѣдева.

По первоисточникамъ и по существующимъ новымъ изслѣдованіямъ жизнь Медвѣдева изучена авторомъ старательнѣйшимъ образомъ, почему и дается имъ весьма обстоятельный ея очеркъ. Обладая значительнымъ критическимъ талантомъ, авторъ рѣшаетъ нѣкоторые вопросы изъ жизни Медвѣдева по новому, при чемъ за его новыми рѣшеніями нельзя не признать основательности. Въ общемъ спорномъ вопросѣ относительно личности Сильвестра Медвѣдева авторъ какъ будто слишкомъ увлекается пристрастіемъ къ своему герою; но пристрастіе—извинительно и понятно. Вообще, мы можемъ отозваться о сочиненіи г. Прозоровскаго не иначе, какъ съ совершенной похвалой, и должны признать его за весьма хорошее.

27. Отзывъ доцента А. Голубцова о сочиненіи іеромонаха Іоанна (Рахманова): „Обрядникъ Византійскаго двора (De cerimoniis aulae Byzantinae), какъ церковно-археологическій источникъ“.

„Важное значеніе сочиненія „De cerimoniis aulae Byzantinae“ для изученія богослуженія греческой церкви сравнительно давно и хорошо сознавалось русскими учеными археологами и литургистами. Нѣкоторые изъ нихъ широко пользовались въ своихъ работахъ по тому или другому частному вопросу разнообразными церковно-археологическими данными „Обрядника“. Но до сихъ поръ въ нашей ученой литературѣ не было попытки сдѣлать „Обрядникъ“ предметомъ самостоятельнаго изслѣдованія со стороны богатаго литургическаго матеріала, въ немъ заключающагося. Съ цѣлю заполнить этотъ пробѣлъ и предложена была мною

выше названная тема о. Иоанну. Авторъ съ любовью принялся за дѣло, въ теченіе двухъ лѣтъ весьма добросовѣстно трудился надъ нимъ и столько же удовлетворительно выполнилъ свою скромную, хотя и не легкую задачу. Объемистое сочиненіе о. Рахманова открывается введеніемъ, въ которомъ съ излишнею краткостію онъ говоритъ о значеніи, содержаніи, языкѣ, авторѣ, времени составленія и научной разработкѣ „Обрядника“, а также о задачѣ, планѣ и свойствахъ своего труда въ связи съ достоинствами и недостатками самаго памятника. Въ первой главѣ сочиненія: „Храмы и монастыри Византіи“ авторъ, на основаніи „Обрядника“, подробно говоритъ объ ихъ мѣстонахожденіи, внѣшнемъ и особенно внутреннемъ устройствѣ, а также о богослужебныхъ принадлежностяхъ—священныхъ сосудахъ, одеждахъ и концахъ. Чтобы быть болѣе понятнымъ въ своихъ топографическихъ разысканіяхъ и указаніяхъ, авторъ присоединяетъ къ первой главѣ планъ Константинополя съ обозначеніемъ его улицъ, дворцовъ, церквей и монастырей. Во второй главѣ: „Общій очеркъ богослуженія Великой церкви“ трактуются о совершителяхъ и составныхъ частяхъ богослуженія—пѣніи, чтеніи свящ. писанія, различныхъ молитвословіяхъ и обрядовыхъ дѣйствіяхъ, кратко излагаются суточные службы: литургія, вечерня, утренья, бдѣніе, часы и тригекти, воспроизводится въ общемъ содержаніе устава Великой церкви и рѣшается вопросъ объ его происхожденіи. Третья глава посвящена „Описанію праздничнаго богослуженія св. Софіи“, содержитъ именно календарь Великой церкви и подробное обозрѣніе особенностей службъ синаксарнаго и тріоднаго круга. Службы тріоднаго круга, какъ-то: чинопослѣдованія крещенія, браковѣчанія и погребенія, молитва надъ виноградомъ, поставленіе патріарха, благодарственное молебствіе по случаю побѣды надъ врагами, вѣчаніе на царство, чины возведенія въ гражданскія должности и обрядъ омовенія во Влахернской агіазмѣ служатъ предметомъ четвертой и послѣдней главы. Въ заключеніе сочиненія идутъ разсужденія о значеніи богослуженія Великой церкви въ исторіи развитія богослужебныхъ чиновъ и послѣдованій восточной церкви вообще и русской въ частности. Уже изъ краткаго обзора содержанія сочиненія легко видѣть, что авторъ его поставилъ своею конечною цѣлію нарисовать возможно цѣльную картину церковной обрядности Византіи на основаніи „Обрядника“, исчерпать вполнѣ находящіеся въ названномъ памятникѣ церковно-археологическіе факты. Путемъ внимательнаго и кропотли-

ваго изученія сочиненія De-segimoniiis, весьма труднаго для пониманія вслѣдствіе своего темнаго техническаго языка, и благодаря близкому знакомству автора съ комментаріями къ „Обрядвику“ Рейске, со многими древними и новыми церковно-археологическими и литургическими трудами иностранныхъ и особенно русскихъ ученыхъ, ему удалось выдѣлить изъ „Обрядника Византійскаго двора“ безпорядочно занесенный въ него сложный литургическій матеріалъ, разсортировать его и представить въ систематическомъ очеркѣ. Можно, конечно, найти нѣкоторые недочеты въ отдѣлѣ топографіи и приложенномъ къ нему планѣ Константинополя (стрр. 20. 39—40. 53. 57 и др.), отмѣтить нѣсколько названій и терминовъ, не объясненныхъ авторомъ и не понятныхъ для неспеціалиста-читателя (стрр. 195. 203. 207. 209 и др.), можно не согласиться съ нѣкоторыми мнѣніями его (стрр. 111. 148—149. 158) и упрекнуть въ недостаткѣ фактическихъ данныхъ заключительныя разсужденія въ его сочиненіи, но трудно указать безъ предварительнаго нарочитаго обследованія „Обрядника“ какіе либо существенныя пробѣлы въ составленномъ на основаніи послѣдняго о. Іоанномъ очеркѣ византійской церковной обрядности. Вообще со стороны содержанія своего данный трудъ слѣдуетъ признать серьезнымъ, основательнымъ и имѣющимъ значеніе для русской литургической науки по тѣмъ новымъ и интереснымъ церковно-археологическимъ свѣдѣніямъ, которые впервые извлечены авторомъ изъ „Обрядника“. Нельзя вполнѣ одобрить сочиненіе съ внѣшней стороны. Авторъ не всегда послѣдователенъ, иногда уклоняется въ сторону отъ прямой своей задачи, и рѣчь его объ одной матеріи совершенно неожиданно для читателя прерывается разсужденіями о другой (стрр. 4—5. 37—39. 88—95. 170—176.), о нѣкоторыхъ предметахъ онъ передаетъ въ несоответствующихъ отдѣлахъ (стр. 53 и др.) и нерѣдко повторяется (стрр. 2. 8—9. 11—12. 189—192. 234—235. 138. 241 и др.). Впрочемъ повторенія его въ большей части случаевъ не многословны, а иногда по самому существу дѣла трудно устранимы. Изложеніе сочиненія, за исключеніемъ нѣсколькихъ неточныхъ и неудачныхъ словъ и выраженій (стрр. 6. 110. 150. 158. 185. 217.), отличается отчетливостью, сжатостью и литературною правильностью. Сочиненіе весьма хорошее и для полученія степени кандидата богословія совершенно удовлетворительное“.

28. Отзывъ доцента А. Шостыина о сочиненіи Д. Ромашкова: „Фи-

лареть, митрополитъ Московскій, какъ пастырь церкви и учитель о пастырствѣ“.

„Общій планъ сочиненія г. Ромашкова очень простъ и въ точности соотвѣтствуетъ поставленной темѣ, т. е. послѣ неизбежнаго введенія (стр. 1—27), первая часть сочиненія даетъ характеристику м. Филарета, какъ пастыря церкви (стр. 27—125), а вторая излагаетъ его взгляды на пастырство (стр. 1—384).

Авторъ самъ желалъ и просилъ, чтобы тема была поставлена въ указанныхъ широкихъ границахъ, въ которыхъ выполнить ее не могъ вполнѣ удовлетворительно. Относящійся къ этой темѣ матеріалъ изученъ имъ добросовѣстно, въ достаточной полнотѣ и подробности; но разработка его, приведеніе въ надлежащій порядокъ и литературная отдѣлка оставляютъ желать очень и очень многого. Почти на всемъ протяженіи сочиненіе представляетъ рядъ буквальныхъ выписокъ и цитатъ безъ числа и безъ порядка. Вотъ напр. образчикъ этихъ беспорядочныхъ и безсвязныхъ выдержекъ (изъ разныхъ сочиненій м. Филарета): „Пастырямъ церкви, какъ людямъ по преимуществу церковнымъ, иногда не полезно вдаваться въ явленія политическія, хотя и благонамѣренныя“. „Въ упованіи на Бога пастырь церкви долженъ нести трудности и сохранить свой миръ, хотя бы не встрѣчалъ его со стороны другихъ. Ибо речено: съ ненавидящими мира бѣхъ миренъ“. „Пастырю церкви полезно было бы, чтобы онъ побесѣдовалъ съ больнымъ и старался краткимъ духовнымъ словомъ привести въ миръ и тишину обуреваемые и волнующие помысли“. „Пастырю церкви въ томъ случаѣ, если благодать Божія рано призвала его къ священству, должно помнить, что мудрость заключается не въ возрастѣ, но въ преуспѣяніи въ духовной жизни“. „Радость воскресенія Христова есть лучшее украшеніе жизни настоящей, такъ какъ и лучшее основаніе надежды для жизни будущей. Посему пріятно дѣлиться пастырямъ церкви сокровищемъ сей радости во взаимномъ общеніи между собою“ (стр. 65—66 втор. ч.).

Всѣ эти мысли, поставленныя авторомъ совершенно рядомъ и непосредственно одна за другою (въ томъ самомъ видѣ, какъ мы ихъ выписали), не представляютъ, очевидно, ни малѣйшей внутренней связи другъ съ другомъ; порядокъ и послѣдовательность ихъ также ничѣмъ не обусловлены, — безъ всякаго ущерба ихъ можно было бы взаимно переставить даже прямо въ обратномъ порядкѣ. Кромѣ того, всѣ онѣ выписаны буквально изъ разныхъ сочиненій м. Филарета и всѣ оставлены безъ всякаго анализа,

раскрытія и обсужденія (хотя напр. важная мысль о невмѣшательствѣ пастырей въ дѣла политическія непремѣнно требовала этого).

Подобныхъ образцовъ въ разсматриваемомъ сочиненіи безчисленное множество; можно даже сказать: оно все состоитъ изъ нихъ.

Но принимая во вниманіе громадный трудъ, положенный авторомъ съ любовію на изученіе избраннаго предмета, можно признать его достаточнымъ для кандидатской степени.

29. Отзывъ доцента А. Шостына о сочиненіи В. *Сибирскаго*: „Борьба древне-русскихъ пастырей съ народнымъ суевѣріемъ“.

„Во введеніи (стр. VII—XV) авторъ справедливо замѣчаетъ, что „мы никогда не поймемъ причинъ и степени живучести тѣхъ или другихъ видовъ народнаго суевѣрія, не выяснивъ предварительно его общаго источника въ господствующемъ настроеніи общества даннаго времени“, и что „еще менѣе поймемъ степень усвоенія той или другой стороны христіанской истины (поскольку она направлена противъ того или другаго вида суевѣрія) массовымъ сознаниемъ, если не выяснимъ предварительно таковую въ умахъ древне-русскихъ пастырей“ (стр. XIII). Такимъ разсужденіемъ у автора обосновывается слѣдующій планъ всего его изслѣдованія: первая глава (стр. 1—96) заключаетъ въ себѣ „характеристику умственнаго и главнымъ образомъ религіозно-нравственнаго состоянія древне-русскаго общества въ моментъ принятія христіанства. Сюда вошли: язычество древне-русскихъ славянъ и столкновеніе съ нимъ христіанства, языческое и полужыческое—полухристіанское міро—и жизни—созерцаніе нашихъ предковъ, разсмотрѣніе того и другаго по отношенію къ частному вопросу о суевѣріяхъ, опредѣленіе мотивовъ проповѣди и объясненіе причинъ борьбы съ суевѣріями. Вторая и третья главы заключаютъ въ себѣ характеристику теоретической (гл. вторая, стр. 97—208) и практической (гл. третья, стр. 20—282) дѣятельности древне-русскаго духовенства въ отношеніи къ народному суевѣрію, куда вошло разсмотрѣніе проповѣдническихъ и каноническихъ памятниковъ русской древности съ той ихъ стороны, поскольку они соотвѣтствовали насущнымъ потребностямъ времени“. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что хронологическимъ предѣломъ изученія старинныхъ памятниковъ авторъ поставляетъ собственно XI—XIV стол. Наконецъ, четвертая глава (стр. 283—363) занимается рѣшеніемъ вопроса о томъ, какое значеніе имѣла изученная въ

предшествующихъ главахъ дѣятельность духовенства по отношенію къ народному суевѣрію для послѣдующаго времени древней Руси и въ какой мѣрѣ остались живучи тѣ виды суевѣрія, противъ которыхъ направляло свою дѣятельность духовенство XI—XIV вв.“.

Едва-ли можно что-ниб. возразить противъ такой широкой и строго-исторической постановки разсматриваемаго изслѣдованія; благодаря ей, изслѣдованіе отличается вполнѣ научнымъ характеромъ, какого оно не имѣло бы, если бы авторъ ограничился простымъ указаніемъ многоразличныхъ видовъ народнаго суевѣрія и столь же различныхъ частныхъ способовъ борьбы пастырей противъ нихъ.

Этой строго-научной постановкѣ ея слѣдованія въ достаточной мѣрѣ соответствуетъ и сумма знаній обнаруженныхъ авторомъ. Онъ внимательно изучилъ всѣ извѣстныя памятники духовной литературы, относящіяся къ эпохѣ XI—XIV вв. и такъ или иначе касающіяся народныхъ суевѣрій.

Умѣть онъ и справляться съ запасомъ своихъ знаній, такъ что на всемъ пространствѣ сочиненія (370 страницъ очень мелкаго и убористаго письма) можно указать лишь два случая уклоненія отъ прямаго предмета темы (имено на стр. 106—108 и 182—185); противорѣчій же внутреннихъ совѣтъ не встрѣчается; напротивъ, все здѣсь изложено послѣдовательно и ловко и почти всегда основательно.

Пріятному впечатлѣнію, получаемому при чтеніи разсматриваемаго сочиненія, вредитъ лишь недостаточная отдѣлка его въ стилистическомъ отношеніи. Но и этотъ недостатокъ отнюдь не препятствуетъ признать сочиненіе очень хорошимъ.

30. Отзывъ и. д. доцента П. Соколова о сочиненіи *Алексыя Сосновскаго*: „Религіозныя чувствованія. Опытъ ихъ анализа въ связи съ изслѣдованіемъ ихъ отношенія къ религіозному познанію, религіозному культу, нравственнымъ представленіямъ и эстетическимъ идеаламъ“.

Г. Сосновскій избралъ трудную и мало разработанную тему. Вопросъ о религіозныхъ чувствованіяхъ, не смотря на его перво-степенную важность, съ психологической точки зрѣнія почти не изслѣдованъ. Не говоря уже о трудахъ по общей психологіи, даже въ специальныхъ сочиненіяхъ о чувствованіяхъ ему удѣляется крайне незначительное мѣсто. Единственная монографія, существующая въ европейской литературѣ по этому вопросу,—книга

Томпсона *The religions sentiments of the human mind*, мало соответствующая своему заглавію и посвящена не столько психологическому анализу религіозныхъ чувствованій, сколько изложенію религіозно-философскихъ теорій натуралистическаго типа. При такихъ условіяхъ изслѣдованіе даннаго вопроса требуетъ много знаній, много работы и большихъ умственныхъ средствъ. Удалось ли автору выполнить такую трудную задачу? Въ совершенствѣ—нѣтъ, но то, что онъ сдѣлалъ, заслуживаетъ всякаго одобренія. Авторъ много и добросовѣстно поработалъ, много читалъ и думалъ; онъ далъ совершенно правильную постановку вопросу, установилъ вѣрный психологическій взглядъ на религіозныя чувствованія, правильно понялъ ихъ отношеніе къ другимъ элементамъ душевной жизни и изложилъ свои мысли послѣдовательно и систематично. Ему не удалась только детальная разработка его общихъ взглядовъ. Главный недостатокъ сочиненія въ томъ, что авторъ болѣе занимается второстепенными предметами своей темы, чѣмъ главнымъ: онъ много пишетъ о развитіи религіозныхъ представленій, культа, нравственныхъ и эстетическихъ идеаловъ и уделяетъ менѣе, чѣмъ слѣдуетъ, мѣста анализу самыхъ религіозныхъ чувствованій. Такъ поступаетъ онъ не потому, чтобы этого сколько-нибудь требовала его совершенно правильная и крайне благотворная исходная точка: онъ просто не умѣлъ вполне справиться съ дѣломъ. Нужно замѣтить, что тѣмъ же самымъ недостаткомъ страдаютъ почти все сочиненія, касающіяся религіозныхъ чувствованій: но этого именно недостатка авторъ и долженъ былъ избѣгать. Авторъ плохо владѣетъ перомъ и часто выражаетъ свои мысли неудобовразумительно, неточно и неграмматично. Неточность выраженія приводитъ иногда къ тому, что нѣкоторыя по существу вѣрныя мысли получаютъ у автора такую форму, въ которой съ ними не всякій согласится. Всюду поражаетъ удивительная безграмотность при передачѣ иностранныхъ именъ и словъ. напр., авторъ совсѣмъ не употребляетъ букву W и пишетъ *das Vesen* вмѣсто *das Wesen*, *Vaitz* вмѣсто *Waitz*, и т. п. Имя *Thompson'a*, автора вышеупомянутой книги *The religions sentiments*, онъ всюду пишетъ: Томсонъ, а имя *Thomson'a*, автора *Dictionary of philosophy*, почему-то вопреки вездѣ: Томпсонъ. Фламандское имя *van Ende* онъ передаетъ: Ванъ Анде, и т. д.. Все это тѣмъ болѣе удивительно и необъяснимо, что авторъ не наобумъ пишетъ эти слова и имена: онъ на самомъ дѣлѣ читалъ книги упомянутыхъ писателей.

Указанные недостатки сочиненія сильно портятъ производимое имъ впечатлѣнiе, но, конечно, не уничтожаютъ его несомнѣнныхъ достоинствъ. Правильная разработка общихъ и основныхъ вопросовъ темы, трудолюбiе и самостоятельность даютъ автору полное право на кандидатскую степень“.

31. Отзывъ ординарнаго профессора Н. Субботина о сочиненiи iеремонаха Дiонисiя (Сосновскаго): „Первоначальная исторiя раскола по сказанiямъ первыхъ расколоучителей“.

„Сочинитель много трудился надъ собиранiемъ матерiала для диссертации, но не съумѣлъ надлежащимъ образомъ распорядиться имъ. Не опредѣливъ точно задачи сочиненiя и не составивъ достаточно стройнаго плана, авторъ смѣшиваетъ собственно исторiю съ ученiями раскола, и изложенiе исторiи дѣлаетъ не по однимъ сказанiямъ первыхъ расколоучителей, которыя слѣдовало только повѣрять другими, болѣе достовѣрными источниками, а съ другой стороны нерѣдко входитъ въ подробное изложенiе вѣроучительныхъ сочиненiй первыхъ раскольниковъ, чего задачей сочиненiя совсѣмъ не требовалось. Раздѣльностью и послѣдовательностью изложенiя сочиненiе не отличается, и нельзя сказать, чтобы авторъ свободно владѣлъ перомъ. Но въ уваженiе къ большому труду, положенному авторомъ, сочиненiе можно назвать хорошимъ“.

32. Отзывъ доцента А. Введенскаго о сочиненiи *Александра Тарелкина*: „Новѣйшiе опыты научнаго обоснованiя теизма“.

„Сочиненiе г. Тарелкина характера библиографическаго, но не историко-критическаго: онъ знакомитъ съ содержанiемъ нѣсколькихъ новѣйшихъ опытовъ научнаго обоснованiя теизма (двухъ англiйскихъ и одного нѣмецкаго), предлагая ихъ обстоятельный анализъ, но не изслѣдуетъ ни ихъ генезиса, ни значенiя въ ряду другихъ новѣйшихъ движенiй научной богословско-философской мысли. Это, впрочемъ, совпадаетъ и съ желанiемъ рецензента, который понималъ, что историко-критическое обследованiе данной темы превысило бы свѣдѣнiя и время, которыми располагаетъ студентъ при составленiи кандидатскаго сочиненiя, и потому, при рекомендацiи темы, поставилъ на первый планъ именно обстоятельный анализъ содержанiя указанныхъ опытовъ. Какъ работа библиографическая, сочиненiе г. Тарелкина удовлетворительно: видно, что онъ пробылъ въ Академiи съ пользою — освоился съ новыи языками и приобрѣлъ навыкъ разбираться въ сложныхъ и тонкихъ научныхъ построенiяхъ. Заслугу автора уменьшаютъ два обстоятельства: во первыхъ, онъ нѣсколько пожалѣлъ труда,

ограничивался изслѣдованіемъ лишь трехъ „опытовъ“, изъ которыхъ при томъ одинъ не относится къ числу наиболѣе значительныхъ и трудныхъ (опытъ Вуллена); во вторыхъ, онъ совершенно напрасно запрещалъ себѣ критическія замѣчанія даже и тамъ, гдѣ они, такъ сказать, напрашивались сами собою (напр. при изложеніи книги Abbot'a). Постановкою темы и ея предварительными разъясненіями эти критическія замѣчанія не исключались; существо же дѣла ихъ иногда прямо требовало. — Для степени кандидата богословія сочиненіе достаточно“.

33. Отзывъ Ректора Академіи Архимандрита Антонія, о сочиненіи *Алексыя Тихова*: „Идеаль пастырства по русской отеческой и современной литературѣ.“

Сообразно съ заглавіемъ сочиненіе дѣлится на двѣ, и притомъ совершенно разрозненныя части. Въ первой авторъ, касаясь изрѣдка древне-русскихъ памятниковъ по Пастырскому Богословію, излагаетъ собственно ученіе о пастырствѣ святителей Димитрія Ростовскаго и Тихона Задонскаго; во второй части авторъ останавливается почти исключительно на пяти литературныхъ типахъ пастыря, съ точки зрѣнія которыхъ дѣлается краткое опредѣленіе современныхъ взглядовъ общества на пастырскія задачи духовенства. Приемы автора незатѣйливы: онъ не ставитъ излагаемыхъ мыслей отеческихъ и современныхъ писателей въ прямое соотношеніе съ принятыми воззрѣніями системъ Пастырскаго Богословія и не показываетъ ихъ историко-литературной зависимости отъ изреченій библейскихъ и древне-отеческихъ. Тѣмъ не менѣе трудъ автора имѣетъ и замѣтныя достоинства. Во первыхъ авторъ сумѣлъ выбрать изъ древней и современной литературы самое лучшее и самое типичное; во вторыхъ изложеніе его, прекрасное въ литературномъ отношеніи, направлено къ тому, чтобы въ каждомъ писателѣ найти ту существеннѣйшую черту при опредѣленіи пастырскаго идеала, съ точки зрѣнія которой получали бы надлежащую внутреннюю связь всѣ его мысли по данному предмету. Руководясь подобнымъ приемомъ, авторъ съ достаточною ясностью и убѣдительностью показываетъ, что по отечественнымъ нашимъ Отцамъ пастырство есть не должность только и недѣятельность, а постоянно испытываемое священникомъ душенастроеніе, долженствующее проникать собою всѣ стороны его внутренней жизни и въ точности опредѣлять жизнь внѣшнюю. Настроеніе это заключается во взятіи на себя всѣхъ нравственныхъ немощей паствы и въ постоянномъ усиліи возводить духъ ея къ христіанскому

совершенству. Такого же пониманія пастырями своей задачи, по смыслу разбираемаго сочиненія, ожидаетъ отъ нихъ и лучшая часть свѣтской изящной литературы.

Вообще надо сказать, что отличаеясь достоинствами формально-научными, сочиненіе ст. Тихова показываетъ, что авторъ много передумалъ и перечувствовалъ въ области изслѣдуемаго вопроса и существенное разрѣшеніе его далъ вполне правильное. Степени кандидата богословія сочиненіе достойно“.

34. Отзывъ ординарнаго профессора Н. Субботина о сочиненіи *Александра Товарова*: „Расколоучитель, Благовѣщенскаго собора діаконовъ, Ѳеодоръ Ивановъ“.

„Сочиненіе состоитъ изъ двухъ главъ. Въ первой изложена біографія дьякона Ѳеодора, во второй, раздѣленной на нѣсколько отдѣловъ, говорится объ его сочиненіяхъ—полемическаго, догматическаго и историческаго характера.

„Сочинитель съ большимъ стараніемъ собралъ матеріалы для біографіи дьякона Ѳеодора и распорядился ими съ полнымъ умѣньемъ, равно какъ со всею тщательностію изучилъ сочиненія этого расколоучителя и достаточною полнотою указалъ ихъ существенное содержаніе. Но при изложеніи раскольническихъ мнѣній дьякона Ѳеодора не сдѣлано объ нихъ надлежащихъ замѣчаній; также при изложеніи историческихъ сочиненій Ѳеодора, собираемыя имъ разныя извѣстія не провѣрены по другимъ, болѣе достовѣрнымъ источникамъ, что необходимо было сдѣлать.

Сочиненіе отличается сжатостію, точностію и ясностію изложенія“.

35. Отзывъ ординарнаго профессора Н. Субботина о сочиненіи *Сергія Троицкаго*: „Расколоучитель инокъ Авраамій“.

Съ сочиненіи 1) изложена біографія Авраамія, 2) представленъ обзоръ всѣхъ его литературныхъ произведеній, и 3) указано „отношеніе инока Авраамія къ другимъ расколоучителямъ и его значеніе въ исторіи раскола“.

Въ біографіи Авраамія сочинитель занялся прежде всего опредѣленіемъ личности этого, довольно выдающагося раскольническаго писателя первыхъ временъ, такъ какъ съ именемъ Авраамія встрѣчается не одно лицо въ первоначальной исторіи раскола. Авторъ приходитъ къ заключенію, что Авраамій, составитель извѣстныхъ сочиненій, есть ученикъ Аввакума—юродивый Ѳеодоръ, получившій въ монашествѣ имя Авраамія,—и соображенія его не лишены основанія. Событія изъ жизни Авраамія собраны и изло-

жены съ достаточною полнотою. Излагая содержаніе сочиненій Авраамія, авторъ входитъ въ излишнія подробности, а самое изложеніе дѣлаетъ большею частію собственными словами, что по мѣстамъ оказывается весьма неудобнымъ. Въ послѣдней главѣ, говоря объ отношеніи Авраамія къ другимъ расколоучителямъ, авторъ сличаетъ, даже въ мелочахъ, сочиненіе его съ сочиненіями Аввакума, дьякона Федора, Лазаря, Никиты... Трудъ не легкій и кропотливый, но не представляющій существенной важности. Вообще, авторъ положилъ въ сочиненіе много старанія и труда; къ сожалѣнію изложеніе не отличается ни правильностію, ни ясностію,—авторъ не свободно владѣетъ перомъ“.

36. Отзывъ доцента А. Жданова о сочиненіи *Ивана Тюрнина*: „Книга пророка Софоніи“.

„Исслѣдованіе г. Тюрнина — „Книга пр. Софоніи (V+LXIX+343)—состоитъ изъ двухъ, обычныхъ въ библиографическихъ трудахъ, частей: 1) введенія и 2) толкованія.

Во „введеніи“, краткомъ по свойству предмета, но достаточно полнымъ по содержанію, даны свѣдѣнія о личности пророка, времени происхожденія, планъ и раздѣленіи книги, сдѣлана отчетливая характеристика современнаго пророку религіозно-нравственнаго состоянія іудейскаго народа и указаны главныя отличительныя особенности идейнаго содержанія книги.

Истолковательная часть труда представляетъ, и по справедливости, главный предметъ, на который было направлено вниманіе автора.

Въ основу толкованія авторъ, не отступая предъ тѣми затрудненіями, которыя представляетъ вавилонская пунктуация, положилъ еврейскій текстъ кодекса, извѣстнаго подъ названіемъ *Codex Babylonicus Petropolitanus*. Этотъ текстъ внимательно сравнивается съ переводами отчасти на основаніи лучшихъ изданій и пособій (указаны въ началѣ исслѣдованія), отчасти на основаніи личнаго ознакомленія автора съ текстомъ LXX въ твореніяхъ Св. Кирилла Александрійскаго, Федора Мопсуетскаго, бл. Иеронима. Въ результатъ критико-текстуальной работы иногда предлагаются поправки масоретскаго *textus receptus*. Правда, въ большинствѣ случаевъ авторъ уже находилъ проекты измѣненій текста въ тѣхъ пособіяхъ, которыми онъ пользовался; но и здѣсь должно поставить ему въ заслугу то, что онъ осторожно и осмотрительно выбралъ лучшее, отбросилъ всякія произвольныя догадки и не увлекся игрой ученаго остроумія, отличающей труды, напр., Гит-

цига и его послѣдователей. Нѣкоторые изъ указанныхъ другими поправокъ авторъ утверждаетъ на основаніяхъ болѣе широкихъ и прочныхъ. Самостоятельное и тщательное изученіе подлинника и переводовъ дало автору возможность внести въ критику текста нѣчто и отъ себя. Предлагаемыя имъ улучшения въ масоретскомъ изданіи (иногда и у LXX) нерѣдко заслуживаютъ полнаго вниманія; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они не выходятъ изъ предѣловъ только возможнаго или вѣроятнаго, въ нихъ ясно обнаруживается хорошее знакомство автора съ предметомъ и способность пользоваться пособіями, какъ пособіями, а не какъ источниками, — навыкъ въ самостоятельной работѣ и достаточная методическая сноровка.

При толкованіи собственно, кромѣ Библии, авторъ пользовался и патристической литературой, и всѣми выдающимися работами новѣйшихъ ученыхъ Запада, — не оставилъ безъ вниманія и трудовъ русскихъ богослововъ. Обширный экзегетическій матеріалъ, добросовѣстно изученный авторомъ, представлялъ не мало соблазновъ къ нарушенію ученаго воздержанія, — къ увеличенію объема изслѣдованія длинными выдержками, мелочной полемикой и под.. Авторъ однако избѣгаетъ этихъ недостатковъ: не заботится прежде всего о показной и излишней эрудиціи и какъ въ критикѣ текста, такъ и въ его изъясненіи почти всегда и вездѣ сохраняетъ должную мѣру и соответствіе между объемомъ труда и его главною цѣлюю. Изъясненіе ведется стройно и плавно, и многія мѣста можно читать съ истиннымъ удовольствіемъ.

Изложеніе и стиль заслуживаютъ полнаго одобренія.

Знаніе языковъ (еврейскаго, классическихъ и нѣмецкаго) и умѣнье имъ пользоваться у автора далеко не заурядныя.

Поэтому можно съ полнымъ правомъ привѣтствовать въ авторѣ добросовѣстнаго, усерднаго и способнаго работника въ области ветхозавѣтной науки, и его трудъ должно признать — въ его настоящемъ видѣ вполне достойнымъ кандидатской степени, а съ нѣкоторыми исправленіями вполне пригоднымъ для соисканія и степени магистра богословія“.

37. Отзывъ ординарнаго профессора Н. Субботина о сочиненіи *Алексѣя Цвѣткова*: „Книга о вѣрѣ и ея значеніе въ отношеніи къ расколу“.

„Вопреки принятому обычаю авторъ не раздѣлилъ своего сочиненія на отдѣлы и главы; но тѣмъ не менѣе ведетъ дѣло въ порядкѣ: сначала дѣлаетъ изысканія объ авторѣ Книги и объ

источникахъ, откуда заимствовано ея содержаніе, потомъ говорить объ ея значеніи для раскола.

Изысканія о томъ, кто авторъ Книги о вѣрѣ и откуда заимствовано ея содержаніе, сдѣланы тщательно и выводы изъ этихъ изысканій отличаются осторожностью и основательностью; о значеніи же этой книги для раскола говорится довольно поверхностно: авторъ не показалъ достаточнаго знакомства съ раскольнической литературой и мало къ ней обращался, а ограничился свѣдѣніями изъ готовыхъ книжекъ о расколѣ, притомъ довольно устарѣлыхъ и не особенно важныхъ. Въ общемъ сочиненіе хорошее“.

38. Отзывъ доцента А. Голубцова о сочиненіи *Евгенія Цвѣткова*: „Чинопослѣдованіе таинства брака“.

„Небольшое по объему (XVI+1—320) сочиненіе г. Цвѣткова состоитъ изъ введенія, въ которомъ онъ кратко говоритъ о важности и трудности историческаго толкованія богослуженія, а также о задачѣ, методѣ и планѣ своего труда, и пяти главъ изслѣдованія. Первая глава занята обзорѣмъ обрядовой стороны браковъ еврейскаго, греческаго и римскаго; предметомъ второй служитъ довольно подробный очеркъ бракосовершенія въ христіанскомъ мірѣ съ перваго по восьмой вѣкъ. Здѣсь авторъ трактуетъ именно о необходимости церковнаго благословенія брака въ понятіи первохристіанъ, обрученіи и первоначально-гражданскомъ значеніи его, о совмѣстномъ совершеніи брака съ литургіей и самомъ обрядѣ вѣнчанія — его происхожденіи, древней простотѣ и постепенномъ осложненіи. Въ третьей главѣ по спискамъ Барбериновымъ — первому и второму, преосв. Порфирія Успенскаго, Кристоферратскому и двумъ служебникамъ Софійской бібліотеки авторъ излагаетъ и объясняетъ исторію брачнаго чинопослѣдованія въ IX—XIII столѣтіяхъ, за періодъ выдѣленія бракосовершенія изъ литургіи въ самостоятельное послѣдованіе. Въ четвертой главѣ говорится объ измѣненіяхъ, происшедшихъ съ брачнымъ чиномъ въ XIV—XV вѣкахъ, при чемъ довольно подробно указываются и объясняются вновь появившіяся въ немъ обряды и молитвы. Пятая глава посвящена изученію XVI вѣка, признаваемого г. Цвѣтковымъ временемъ самаго широкаго и почти окончательнаго развитія обрядовой стороны таинства брака, когда „появились всѣ тѣ особенности бракосовершенія и составныя части его, изъ которыхъ слагается послѣдованіе брака въ современныхъ намъ требникахъ“. Кромѣ того въ концахъ главъ второй, четвертой и пятой идутъ у автора разсужденія о характерѣ отношеній

древнихъ христіанъ ко вторымъ и третьимъ бракамъ, первыхъ записяхъ и чинахъ послѣдованія вѣнчанія второбрачныхъ и третьобрачныхъ и, наконецъ, о позднѣйшихъ послабленіяхъ церкви и отступленіяхъ ея отъ первоначальной своей строгости при благословеніи вторыхъ и третьихъ браковъ. — Переходя отъ содержанія сочиненія къ замѣчаніямъ на него, прежде всего слѣдуетъ сказать, что г. Цвѣтковъ, разъясняя въ своемъ введеніи затрудненія, встрѣчаемая изслѣдователемъ при изложеніи чинопослѣдованія брака, преувеличиваетъ ихъ. Вопросъ объ обрядовой сторонѣ таинства брака вовсе не изъ очень трудныхъ и сложныхъ въ литургической наукѣ и даже въ русской литературѣ сравнительно разработанъ. Достаточно упомянуть здѣсь о трудахъ Н. О. Красносельцева, А. А. Дмитриевскаго, Катанскаго, Каратыгина, Одинцова, Смирнова, которымъ самъ авторъ справедливо придавалъ важное значеніе и оказалъ должное вниманіе въ своемъ сочиненіи (стрр. VIII. X. 96. 214—215. 258 и др.). Вступительная глава послѣдняя, въ которой авторъ знакомитъ съ обрученіемъ и самымъ бракосочетаніемъ у Евреевъ, Грековъ и Римлянъ, не отличается обстоятельностью, въ чемъ сознается и самъ г. Цвѣтковъ, называя свой очеркъ изложенія совершенія браковъ у древнихъ народовъ бѣглымъ (стр. 27). Во второй главѣ авторъ слишкомъ долго останавливается на раскрытіи той мысли, что браки во все времена у христіанъ „совершались не иначе, какъ при посредствѣ молитвъ и благословенія епископа или пресвитера“ (стрр. 30—47). Приводитъ въ подтвержденіе этого изъ памятниковъ христіанской письменности длинный рядъ свидѣтельствъ, частью уже извѣстныхъ въ нашей литературѣ, частью не имѣющихъ прямого отношенія къ темѣ сочиненія, не представлялось особенной надобности. Въмѣсто этого автору слѣдовало бы заняться исключительно литургическою стороною таинства брака, тщательно собрать, внимательно анализировать и между собою сопоставить все тѣ краткія, отрывочныя и, повидимому, случайно брошенныя замѣчанія древнихъ церковныхъ писателей, которыя прямо или косвенно касаются той или другой стороны брачнаго ритуала. Правда, большая часть относящагося сюда матеріала приведена въ извѣстность г. Цвѣтковымъ, но изложена по разнымъ мѣстамъ сочиненія (стрр. 96—103. 112. 119—120); нѣкоторыя, по сознанію самого автора, важныя историческія указанія отмѣчены имъ мимоходомъ, безъ всякаго разбора, или же приводятся въ примѣчаніи въ сокращенномъ переводѣ по журналь-

ной статьѣ (99—101. 136 прим. и др.), безъ всякой провѣрки. Этимъ отчасти нужно объяснить то обстоятельство, что исторія брачнаго чина за первые восемь вѣковъ у автора вышла не особенно полная и обстоятельная. Здѣсь, какъ и въ прочихъ главахъ своего сочиненія, авторъ съ большимъ интересомъ занимался толкованіемъ обрядовъ таинства брака, чѣмъ исторіей чинослѣдованія его. Объясненія нѣкоторыхъ обрядовъ, напимѣръ, брачнаго лобзанія, обхожденія вокругъ престола и другихъ, смыслъ которыхъ общепонятенъ, у автора излишне-подробны. Исторію разсматриваемаго чинослѣдованія г. Цвѣтковъ ведетъ совмѣстно съ толкованіемъ обрядовъ, но въ видахъ болѣе отчетливаго и цѣльнаго представленія первой (исторіи) нужно было-бы изложить толкованія отдѣльно, въ концѣ главъ. Равнымъ образомъ рѣчи автора объ отношеніи церкви ко вторымъ и третьимъ бракамъ, о первыхъ записяхъ и чинахъ послѣдованія вѣнчанія второбрачныхъ и третьобрачныхъ, стоящія теперь безъ всякой связи съ другими разсужденіями его, лучше было бы сдѣлать предметомъ особой главы. Нѣкоторыя сужденія г. Цвѣткова надобно признать ошибочными (стр. 140. 246) и, наконецъ, нельзя одобрить его привычки въ большей части случаевъ безъ разбора, а иногда и безъ опредѣленнаго указанія, приводить цитаты въ греческомъ и латинскомъ оригиналѣ, что не вызывается существомъ дѣла и въ значительной мѣрѣ затрудняетъ читателя.

Указывая на устраненіе этихъ недостатковъ, какъ на средство улучшить сочиненіе съ внутренней и внѣшней стороны, я долженъ сказать, что и сдѣланнаго г. Цвѣтковымъ совершенно достаточно, чтобы признать его трудъ очень хорошимъ, вполне заслуживающимъ степени кандидата богословія. Авторъ не только вѣрно понялъ свою задачу и указалъ истинный путь къ ея рѣшенію, но и весьма много сдѣлалъ для ея выполненія. Въ своемъ сочиненіи онъ обнаружилъ основательное знакомство съ иностранною и русскою литературою предмета и сдѣлалъ нѣсколько самостоятельныхъ разысканій въ области интересующаго его вопроса. Послѣднему не мало содѣйствовали его занятія нѣкоторыми литургическими рукописями библиотекъ Московской духовной Академіи, Троице-Сергіевой лавры, Московской Синодальной, Типографской и Хлудовской. Изложено сочиненіе, за весьма немногими исключеніями (стрр. 59. 96. 118. 135. 144.), языкомъ яснымъ, легкимъ и вообще правильнымъ“.

39. Отзывъ доцента Н. Заозерскаго о сочиненіи *Семена Ши-*

шаева: „Правила св. Никифора патріарха Константинопольскаго и исповѣдника: ихъ подлинность и значеніе въ Восточной церкви“.

„Задачею названнаго сочиненія поставлено рѣшеніе вопроса о подлинности правилъ св. Никифора исповѣдника. Въ предлагаемомъ видѣ сочиненіе содержитъ въ себѣ лишь предуготовительную къ рѣшенію работу: утвержденіе основанія, фундамента, разработку и приведеніе въ порядокъ данныхъ, на которыхъ имѣеть быть построено критическое изслѣдованіе массы приписываемыхъ названному св. отцу правилъ и указаніе той части ея, которая съ научною основательностію можетъ быть признана подлинною. Такимъ же образомъ произведена эта работа? Самъ авторъ такъ излагаетъ планъ и методъ ея: „такъ какъ не смотря на четырехълѣтніе поиски ученыхъ не найдено до сихъ поръ ни одной рукописи съ такою серіей правилъ, по отношенію къ которой всѣ остальные являлись бы лишь редакціями, напротивъ почти каждая рукопись заключаетъ въ себѣ правила новыя, не встрѣчаемыя, кромѣ нея ни въ какой другой, за тѣмъ всѣ эти рукописи не восходятъ ранѣе XII вѣка, а другихъ прямыхъ данныхъ, напр. свидѣтельствъ, не имѣется, то приходится выработать такія ковенныя данныя, которыя имѣли бы при разсмотрѣніи правилъ силу прямыхъ. Именно сообразно разнообразному и большому количеству правилъ (227) для разсмотрѣнія подлинности ихъ необходимо поискать поводовъ къ изданію ихъ въ жизни и дѣятельности св. Никифора... Для сего необходимо представить *подробныя* біографическія свѣдѣнія, тѣмъ болѣе, что такихъ свѣдѣній не существуетъ въ церковно-исторической и патристической русской литературѣ за исключеніемъ лишь краткихъ замѣтокъ въ курсахъ церковной исторіи и въ нѣкоторыхъ монографіяхъ А. П. Лебедева. Далѣе, необходимо знать время и характеръ *рукописей*, чтобы судить о подлинности того или инаго правила и опредѣлить въ нѣкоторыхъ случаяхъ процессъ возникновенія иныхъ изъ правилъ св. Никифора въ позднѣйшее время. Весьма не излишне присоединить сюда обзоръ *изданій*, который покажетъ, какъ относились издатели къ вопросу о подлинности правилъ св. Никифора и что ими сдѣлано въ семъ отношеніи (почти ничего). Кромѣ того, необходимо имѣть обстоятельныя свѣдѣнія о способѣ (формѣ) и времени происхожденія правилъ для заключенія—уже на основаніи этого—о количествѣ и характерѣ несомнѣнно подлинныхъ правилъ изъ массы дошедшихъ до насъ въ разныхъ рукописяхъ и изданіяхъ. При совокупности только этихъ данныхъ и возможно

опредѣлить подлинность или неподлинность каждаго правила. Отсюда планъ сочиненія распадается на слѣдующія части: 1-я будетъ состоять изъ 3-хъ главъ: а, біографическія свѣдѣнія о жизни и дѣятельности св. Никифора; б, обзоръ рукописей, заключающихъ правила св. Никифора, в, обзорѣніе печатныхъ изданій правилъ. Часть II-я будетъ распадаться на двѣ главы: а, способъ и время происхожденія правилъ и на основаніи этого характеристическія черты ихъ; б, критическое обзорѣніе правилъ. Наконецъ въ 3-й части слѣдуетъ показать важность правилъ, опредѣляемую ихъ практическимъ употребленіемъ въ Восточной церкви: а, въ Греческой и б, въ Русской. (Введеніе стр. X—XII).

Какъ видно отсюда, постановка дѣла — весьма рациональная и основательная, методъ вполне цѣлесообразенъ.

Предлежащій трудъ автора не представляетъ полнаго совершенія предначертаннаго плана, но обрывается на второй части. Однакоже и на основаніи представленнаго можно составить вполне опредѣленное сужденіе о свойствахъ сочиненія. Какъ біографія св. Никифора, такъ въ особенности обзорѣніе рукописей и изданій его правилъ сдѣланы авторомъ съ замѣчательнымъ усердіемъ и вполне основательно. Авторъ собралъ и изучилъ по данному вопросу все, что дастъ въ настоящее время иностранная литература (хотя и небольшая), такъ что сочиненіе его даже и въ не оконченномъ видѣ представляетъ замѣтный вкладъ въ русскую каноническую литературу.

На семь основаніи признаю сочиненіе студ. С. Шишаева вполне заслуживающимъ кандидатской степени“.

40. Отзывъ ординарнаго профессора Н. Субботина о сочиненіи Якова Эпидимскаго: „Исторія раскола на Вѣткѣ и въ Стародубѣ“.

„Сочиненіе состоитъ изъ одиннадцати главъ, въ которыхъ авторъ излагаетъ исторію раскола на Вѣткѣ и въ Стародубѣ, начиная со времени первыхъ раскольническихъ поселеній на этихъ мѣстахъ до возникновенія въ Стародубѣ споровъ между дьяконовцами и перемазанпами включительно, при чемъ входитъ въ излишнія подробности объ извѣстномъ перемазанскомъ соборѣ въ Москвѣ.

Никакихъ самостоятельныхъ изысканій по исторіи раскола въ Стародубѣ и на Вѣткѣ сочинителемъ не сдѣлаво; онъ руководствовался только готовыми печатными сочиненіями, и, не всегда провѣряя достовѣрность ихъ сказаній, передаетъ ихъ иногда съ излишнею подробностію, какъ наприм. исторію Елифанія. Сочиненіе нельзя признать и оконченнымъ, такъ какъ исторія Старо-

дубья и Вѣтки не кончается перемазанскимъ соборомъ; напротивъ исторія ихъ за три четверти настоящаго столѣтія заслуживала особаго вниманія и должна была по преимуществу составить предметъ изслѣдованія, тогда какъ въ подробномъ изложеніи предшествующей исторіи, по которой имѣются спеціальныя сочиненія, особенной надобности не было. Изложеніе свободное и легкое, но эта легкость изложенія доходитъ иногда до излишества. Впрочемъ, сочиненіе должно быть отнесено къ числу хорошихъ“.

41. Отзывъ экстраординарнаго профессора протоіерея Д. Касицына о сочиненіи *Петра Ярустовскаго*: „Развитіе изъ Societas Jesu іезуитизма въ нынѣшнемъ значеніи этого слова“.

„Откуда и какимъ именно путемъ могъ возникнуть іезуитизмъ“? спрашиваетъ авторъ и отвѣчаетъ: „исходнымъ моментомъ возникновенія его былъ, по нашему мнѣнію, моментъ ожесточенной борьбы іезуитскаго ордена съ протестантизмомъ“ (стр. 33—34). „Органы католической реакціи,—іезуиты самую миссію своею побуждались къ защитѣ того, что опровергалось протестанствомъ и осужденію того, что старались доказать послѣдніе. Крайность у однихъ, въ силу извѣстнаго психологическаго закона, вызывала прямо противоположную себѣ крайность же у другихъ. Крайностью въ ученіи протестантовъ о степени паденія человѣка и совершенномъ рабствѣ его воли опредѣлялась крайность въ ученіи іезуитовъ о свободѣ человѣка“ (120 стр.). „Согласно принятой іезуитами теоріи Молины, нравственныя силы человѣка падшаго и сами по себѣ достаточествуютъ къ исполненію Закона Божія, а если человѣкъ и нуждается въ чемъ при этомъ, то только въ помощи, которую самъ же и испрашиваетъ себѣ у Бога“ (145 стр.). „Отсюда гдѣ нѣтъ свободы, тамъ нѣтъ грѣха“. „Гдѣ нѣтъ яснаго сознанія о грѣхѣ, нѣтъ основанія для нравственнаго вмѣненія его“. „Отсюда возникаетъ и этимъ объясняется вся іезуитская постановка вопроса о грѣхахъ невѣдѣнія“ „о сомнѣвающейся совѣсти“, „о пособіи для сомнѣвающейся совѣсти—пробабализмъ“. „Съ послѣднимъ близко соприкасается теорія іезуитовъ объ управленіи вниманіемъ“ (35 стр.) „ихъ постановка вопроса о раздѣленіи грѣховъ“, „о произволѣ и ухищреніяхъ въ таинствахъ покаянія“, „ученіе іезуитовъ о такъ называемомъ актѣ attritio и другомъ ему родственномъ — contritio“... „Въ такомъ генетическомъ порядкѣ представляется и понимается нами логическое расположеніе основныхъ и главныхъ моментовъ въ развитіи изъ Societas Jesu того, что называется и разумѣется нынѣ подъ именемъ іезуитизма.

Этому, въ частности, порядку слѣдуемъ мы и при изложеніи настоящей нашей работы“ (35—36 стр.).

Только что изложенныя основныя положенія разсматриваемаго сочиненія говорятъ сами за себя. Путь къ разъясненію вопроса указавъ совершенно вѣрный.

Не всѣ изложенныя положенія раскрыты съ должною полнотою. Но принимая во вниманіе трудность самой задачи, считаю возможнымъ признать разсматриваемое сочиненіе, и въ его настоящемъ видѣ, удовлетворительнымъ для степени кандидата богословія“.

42. Отзывъ доцента А. Шостына о сочиненіи А. Яхонтова: „Житія святыхъ, какъ воспитательное средство, и ихъ значеніе для русской школы съ древнихъ временъ“.

По плану автора, все сочиненіе распадается на два отдѣла. Въ первомъ изъ нихъ, заключающемъ первыя пять главъ (стр. 1—290), говорится „о житіяхъ святыхъ, какъ воспитательномъ средствѣ, во второмъ, обнимающемъ двѣ послѣднія главы (стр. 291—367), раскрывается „значеніе житій святыхъ для школы“. Частнѣе же содержаніе каждой главы въ отдѣльности намѣчается авторомъ такъ: „первая глава говоритъ о нѣмъ—посвящена раскрытію воспитательнаго значенія житій святыхъ, какъ книгъ церковно-богослужебныхъ; вторая—раскрытію воспитательнаго значенія житій святыхъ, какъ книгъ для домашняго чтенія. Такъ какъ въ обоихъ этихъ отношеніяхъ житія святыхъ неминуемо должны были отразиться въ жизни народа и его воззрѣніяхъ, двѣ слѣдующія главы предназначены у насъ выясненію вліянія житій святыхъ — третья глава—на народную жизнь и—четвертая глава—на религіозныя вѣрованія и представленія народа, т. е. на его словесность и поэзію: былины, пѣсни и пр.. Пятая глава заключаетъ въ себѣ нѣсколько общихъ замѣчаній о воспитательномъ значеніи житій святыхъ. Въ первой главѣ втораго отдѣла будетъ представлена историческая судьба житій святыхъ въ нашей школѣ съ древнихъ временъ; во второй будетъ разъяснено ихъ педагогическое значеніе“ (стр. VIII—IX).

Уже изъ этого плана видно, что при всей ясности и определенности данной темы, г. Яхонтовъ понялъ ее слишкомъ широко, именно—въ смыслѣ воспитательнаго значенія житій святыхъ для всего вообще русскаго общества, а не для подроставшихъ только воспитывающихся его поколѣній. Отсюда—пространныя разсужденія объ употребленіи житій святыхъ въ церковной службѣ, въ монашескую трапезу, въ домашнихъ чтеніяхъ мірянъ и т. д.;

отсюда же длинная рѣчь о византійскомъ аскетизмѣ въ возрѣ-
 ніяхъ и въ самой жизни нашихъ предковъ, развившемся подъ
 вліяніемъ житій; отсюда наконецъ — множество ненужныхъ выпи-
 сокъ, не относящихся прямо къ дѣлу (въ родѣ народной пѣсни
 на стр. 72). Остается неяснымъ для читателя и то, какое отно-
 шеніе къ данной темѣ имѣетъ вся почти глава четвертая, гдѣ
 авторъ подробно изслѣдуетъ вопросы: былины ли вліяли на житія
 или наоборотъ—житія на былины; апокрифы или же житія свя-
 тыхъ были источникомъ для духовныхъ стиховъ и легендъ? (При
 чемъ внимательно разбираются и оцѣниваются мифы Буслаева,
 Галахова, Миллера, Порфирьева, Стоюнина, Шевырева и др. авто-
 ровъ, разсматривавшихъ житія какъ памятникъ нашей литера-
 туры и почти ничего не говорившихъ о воспитательномъ ихъ зна-
 ченіи). Кромѣ этой излишней широты въ пониманіи данной темы,
 есть еще одинъ важный недостатокъ въ сочиненіи г. Яхонтова:
 поставивъ вопросъ о пользѣ и значеніи житія святыхъ какъ во-
 спитательнаго средства, онъ занимается разборомъ и опроверже-
 ніемъ отрицательныхъ возрѣній на этотъ предметъ, высказанныхъ
 голословно въ какихъ-то романахъ и повѣстяхъ (напр. въ ро-
 манѣ Крестовскаго „Торжество Ваала“) и не имѣющихъ никакого
 научнаго значенія, — между тѣмъ какъ при чтеніи его же собствен-
 наго сочиненія естественно возникаютъ и сами собою напраши-
 ваются на разборъ болѣе всякія и серьезныя возраженія противъ
 школьнаго употребленія житій (именно по поводу нѣкоторыхъ по-
 видимому—суевѣрныхъ обычаевъ, утвердившихся въ нашемъ на-
 родѣ, какъ увѣряетъ авторъ, благодаря житіямъ—стр. 130 и сл.,
 а также по поводу болѣзненныхъ проявленій аскетизма въ ран-
 немъ дѣтскомъ возрастѣ подъ вліяніемъ чтеній житій—стр. 268);
 и вотъ по поводу этихъ-то болѣе серьезныхъ и важныхъ доводовъ
 авторъ не обмолвился ни словомъ. Не рѣшаетъ онъ также и во-
 проса о томъ, въ полномъ ли составѣ житія святыхъ должны
 быть даны для чтенія дѣтямъ, или же слѣдуетъ сдѣлать педаго-
 гически-цѣлесообразный выборъ изъ нихъ, — хотя многія страницы
 сочиненія его давали прямой поводъ къ постановкѣ и обсужденію
 этого вопроса.

Впрочемъ, объяснить подобные недочеты въ разсматриваемомъ
 сочиненіи весьма не трудно. Сочиненіе это представляетъ собою
 первую и вполне самостоятельную попытку къ выясненію педаго-
 гическаго значенія житій святыхъ, такъ какъ имѣющаяся у насъ
 литература о житіяхъ (съ каковою литературою авторъ обнару-

живааетъ очень близкое знакомство) трактуеть о нихъ съ иныхъ точекъ зрѣнія, а не съ специально-педагогической. Не удивительно, если авторъ, впервые обсуждающій данный предметъ и не имѣющій себѣ предшественниковъ въ этомъ, опустилъ изъ виду нѣкоторыя, хотя и довольно важныя стороны предмета.

При этой самостоятельности сочиненіе отличается тщательною литературною отдѣлкою, которая дала возможность автору нѣкоторыя главы напечатать уже въ духовныхъ журналахъ. Наконецъ. о внимательномъ изученіи самыхъ житій святыхъ едва ли нужно распространяться: работа эта исполнена добросовѣстно и съ видимою любовью къ избранному предмету. Сочиненіе можетъ быть признано достаточно хорошимъ.

42. Отзывъ ординарнаго профессора Е. Голубинскаго о сочиненіи *Я. Яцковскаго*: „Священникъ Сумеонъ Суздальскій и его исторія Флорентійскаго собора“.

Отвѣтъ на вопросъ: за что Сумеонъ посланъ былъ въ заключеніе въ Троицкій Сергіевъ монастырь, не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ. Совѣтъ имѣть отвѣта на вопросъ: для чего Сумеонъ написалъ свою исторію Флорентійскаго собора. Оставляются безъ объясненія нѣкоторыя невѣроятныя показанія Сумеона въ этой его исторіи Флорентійскаго собора. При сейчасъ указанныхъ недостаткахъ сочиненіе имѣетъ достоинство труда старательнаго, такъ что должно быть признано за сочиненіе хорошее.

III. Внесенный и. д. инспектора Академіи, іеромонахомъ Григоріемъ, списокъ студентовъ IV курса съ обозначеніемъ балловъ по ихъ поведенію; въ этомъ списокѣ поведеніе 56 студентовъ IV курса означено балломъ 5 и 3-хъ студентовъ—балломъ 4.

IV. Прошенія студентовъ IV курса:

а) *Алексія Целебровскаго*: „Въ продолженіе учебнаго года я неоднократно подвергался простуднымъ болѣзнямъ, благодаря которымъ и доселѣ чувствую слабость и истощеніе силъ. Вслѣдствіе этого я не могъ своевременно приготовить кандидатское сочиненіе и держать экзамены. Поэтому, согласно совѣту врача, удостовѣрительное свидѣтельство котораго при семъ прилагаю, покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи оставить меня на повторительный курсъ и удержать за мною ту стипендію, которою я доселѣ пользовался“.

б) *Геннадія Спасскаго*: „По причинѣ продолжительной болѣзни я въ настоящемъ 189¹/₂ учеб. году не имѣлъ возможности явиться въ Академію для учебныхъ занятій; посему осмѣливаюсь покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи, не дозволено ли будетъ мнѣ

окончить полный академическій курсъ въ слѣдующемъ 1892—93 учеб. году съ оставленіемъ за мной казенной стипендіи, которою я пользовался въ продолженіе моего ученія на первыхъ трехъ курсахъ Академіи. Къ сему прилагаю свидѣтельство о моей болѣзни отъ пользовавшаго меня врача“.

в) *Аркадія Азбукина*: „Тяжкая и продолжительная болѣзнь, медицинское свидѣтельство о которой при семъ прилагаю, не дала мнѣ возможности явиться въ Академію въ теченіе всего настоящаго учебнаго года; посемунокорѣйше прошу Совѣтъ Академіи оставить меня на второй годъ въ IV курсѣ и не лишать той стипендіи, которою я пользовался на первыхъ курсахъ“.

Справка: 1) §§ 132—140 устава духовныхъ академій: по окончаніи испытаній, на каждомъ курсѣ составляется Совѣтомъ списокъ студентовъ по успѣхамъ и поведенію. При составленіи списка на четвертомъ курсѣ принимаются во вниманіе успѣхи студентовъ за все время академическаго образованія. (При опредѣленіи, сравнительнаго достоинства студентовъ и составленіи списка ихъ принимаются во вниманіе сочиненія, устные отвѣты и поведеніе. *Примѣчаніе*, При составленіи списка новые языки въ общій счетъ предметовъ не вводятся.—Въ случаѣ неуспѣшности, зависѣвшей единственно отъ болѣзни, студенты могутъ быть оставляемы, съ разрѣшенія Совѣта, на второй годъ въ томъ или другомъ курсѣ, но одинъ только разъ въ продолженіе четырехлѣтняго академическаго курса. При окончаніи полнаго академическаго курса студенты академіи удостоиваются степени кандидата богословія и званія дѣйствительнаго студента. Студенты академіи, оказавшіе за весь четырехлѣтній курсъ отличные успѣхи и представившіе сочиненіе, признанное Совѣтомъ удовлетворительнымъ для степени магистра, утверждаются въ степени кандидата съ правомъ полученія степени магистра безъ новаго устнаго испытанія, но удостоиваются этой послѣдней степени не иначе, какъ по напечатаніи сочиненія и удовлетворительномъ защищеніи его въ присутствіи Совѣта и приглашенныхъ Совѣтомъ стороннихъ лицъ (коллоквиумъ).—Студенты, оказавшіе въ теченіе четырехлѣтняго курса очень хорошіе и хорошіе успѣхи и представившіе при окончаніи курса удовлетворительное для степени кандидата сочиненіе, утверждаются въ этой степени. Но для полученія степени магистра они должны выдержать новое устное испытаніе по тѣмъ предметамъ, по коимъ не оказали успѣховъ, соотвѣтствующихъ сей степени, и представить новое сочиненіе.—Студенты, оказавшіе въ теченіе академи-

ческаго курса посредственные успѣхи и не представившіе сочиненія на степень кандидата, или представившіе сочиненіе неудовлетворительное для сей степени, получаютъ званіе дѣйствительнаго студента. — Если получившій степень кандидата за весь четырехлѣтній курсъ оказалъ отличные успѣхи въ наукахъ, но не удовлетворилъ требованіямъ относительно сочиненія на степень магистра, или если представилъ сочиненіе, заслуживающее сей степени, но не оказалъ успѣховъ, соотвѣтствующихъ оной, то, при соисканіи такими лицами степени магистра, Совѣтъ не требуетъ отъ перваго изъ нихъ новаго устнаго испытанія, а отъ послѣдняго новаго сочиненія. — Примѣнительно къ сему Совѣтъ поступаетъ и при соисканіи дѣйствительными студентами степени кандидата“. 2) По § 81 лит. б п. 10 того же устава, „присужденіе званія дѣйствительнаго студента и степени кандидата“ значится между дѣлами Совѣта Академіи, представляемыми на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго. 3) Студенты — Алексѣй Целебровский, Гевнадій Спасскій и Аркадій Азбукинъ не оставались на второй годъ ни въ одномъ курсѣ.

Опредѣлили: 1) Благопочтительнѣйше представить Его Высокопреосвященству объ утвержденіи студентовъ IV курса: 1. Ивана Попова, Ивана Николина, Павла Борисовскаго, Ивана Тюрнина, 5. Николая Брянцева, Василия Георгіевскаго, Николая Князева, Михаила Дядькова, Евгенія Цвѣткова, 10. Николая Попова, Василия Грекова, Александра Прозоровскаго, Алексѣя Волкова, Алексѣя Сосновскаго, 15. Петра Ярустовскаго, Константина Богданова и Николая Козлова — въ степени кандидата богословія съ предоставленіемъ имъ права на полученіе степени магистра богословія безъ новаго устнаго испытанія; 2) объ утвержденіи студентовъ: іеромонаха Іоанна (Рахманова), Алексѣя Тихова, Ивана Воронцовскаго, Якова Элпидинскаго, Михаила Шувалова, Александра Лепорскаго, Сергѣя Троицкаго, Василия Сибирскаго, Петра Полянскаго, Григорія Орлова, Павла Европина, Дмитрія Андреева, Евгенія Бречкевича, Александра Товарова, Константина Несмѣлова, Алексѣя Цвѣткова, Сергѣя Верещагина, Семена Шишаева, Якова Яцковскаго, Александра Яхонтова, Александра Тарелкина, іеромонаха Діонисія (Сосновскаго), Николая Патакина, Дмитрія Ромашкова, Петра Исикамэ, Алексѣя Нечаева и Евѳимія Апостолиди—въ степени кандидата богословія съ правомъ на полученіе степени магистра по исполненіи требованій, означенныхъ въ §§ 137 и 139 академическаго устава; 3) объ

утвержденіи студентовъ: Ивана Андреева, Николая Арсеньева, Василія Архангельскаго, Алексѣя Боголюбова, Владиміра Булгакова, Алексѣя Виноградова, Николая Вознесенскаго, Сергѣя Добрава, Александра Зыкова, Александра Клодницкаго, Якова Матусевича и Виктора Ѳедотова, не представившихъ кандидатскихъ сочиненій, въ званіи дѣйствительнаго студента съ правомъ на полученіе степени кандидата по представленіи сочиненій, заслуживающихъ сей степени 4) Студентовъ: Алексѣя Целебровскаго, Геннадія Спасскаго и Аркадія Азбукина, не представившихъ кандидатскихъ сочиненій и проповѣди и не державшихъ экзаменовъ по предметамъ IV курса, оставить на повторительный курсъ; сужденіе же о предоставленіи означеннымъ студентамъ стипендій отложить до начала будущаго учебнаго года.

V. Резолюцію Его Высокопреосвященства, послѣдовавшую на журналѣ Совѣта Академіи отъ 20 апрѣля текущаго года: „1892. Мая 1-го. Исполнить“.

Справка: 1) Въ ст. IX означеннаго журнала было изложено ходатайство Совѣта Академіи предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи принять вольнослушателя Академіи, кандидата правъ, Алексѣя Данилова, въ число своекоштныхъ студентовъ I курса Академіи съ примѣненіемъ къ нему требованій, изложенныхъ въ § 113 академическаго устава. 2) О послѣдовавшемъ разрѣшеніи дано знать А. Данилову.

VI. Отношенія Канцеляріи Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода:

а) отъ 28 апрѣля сего года за № 2248: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, 24 текущаго апрѣля, докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, опредѣленъ на духовно-учебную службу кандидатъ Московской духовной академіи Ѳеодотъ *Кудринскій* преподавателемъ по гоимлетикѣ, литургикѣ и практическому руководству для пастырей въ Нижегородскую духовную семинарію“.

б) отъ 5 мая сего года за № 2344: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, 30 минуваго апрѣля, докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, опредѣленъ на духовно-учебную службу кандидатъ Московской духовной академіи Антонъ *Божковскій* на должность преподавателя по священному писанію въ Якутскую духовную семинарію“.

в) отъ 20 мая сего года за № 2647: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, 14 текущаго мая, докладу учеб-

наго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, опредѣленъ на духовно-учебную службу кандидатъ Московской духовной академіи Николай *Виноградскій* помощникомъ инспектора въ Самарскую духовную семинарію“.

Справка: По распоряженію О. Ректора Академіи всѣмъ означеннымъ кандидатамъ дано знать о назначеніи ихъ на духовно-учебную службу.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

VII. Предложеніе О. Ректора Академіи, Архимандрита Антонія: „Честь имѣю предложить Совѣту Академіи войти въ разсужденіе о замѣщеніи состоящей нынѣ вакантною кафедрой по введенію въ кругъ богословскихъ наукъ“.

Опредѣлили: Пригласить на вакантную кафедру введенія въ кругъ богословскихъ наукъ окончившаго въ 1889 году курсъ Академіи со степенью кандидата богословія, бывшаго профессорскимъ стипендіатомъ, нынѣ преподавателя Вологодской духовной семинаріи, Сергѣя Глаголева и, въ случаѣ его согласія занять означенную кафедру, а равно и неизбѣжныя препятствія къ этому со стороны семинарскаго Правленія, вести въ свое время дѣло установленнымъ порядкомъ.

VIII. Предложеніе его же слѣдующаго содержанія: „Честь имѣю предложить Совѣту Академіи избрать кого-либо изъ нынѣ окончившихъ курсъ воспитанниковъ Академіи для приготовленія къ замѣщенію вакантныхъ кафедръ въ Академіи“.

Справка: 1) §§ 54—56 устава духовныхъ академій: „Для приготовленія къ занятію преподавательскихъ вакансій въ академіи, Совѣту предоставляется оставлять при оной на годичный срокъ наиболѣе даровитыхъ студентовъ, кончившихъ курсъ съ отличнымъ успѣхомъ. *Примѣчаніе.* Лица сіи получаютъ содержаніе изъ особо назначенныхъ для того суммъ, въ размѣрѣ не свыше 700 рублей на каждого.— По истеченіи года они представляютъ отчетъ Совѣту въ своихъ занятіяхъ и затѣмъ могутъ быть опредѣляемы на соотвѣтственныя ихъ приготовленію вакантныя кафедры въ академіи или семинаріяхъ“ 2) По § 81 лит. б. п. 5 того-же устава „оставленіе при академіи окончившихъ курсъ студентовъ для приготовленія къ занятію преподавательскихъ кафедръ въ оной и назначеніе имъ содержанія“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго.

Опредѣлили: Оставить для приготовленія къ замѣщенію вакантныхъ каедръ въ Академіи въ будущемъ учебномъ году нынѣ окончившихъ курсъ студентовъ: Ивана Попова, Ивана Николаина и Павла Борисовскаго съ производствомъ имъ содержанія еъ 15 августа текущаго года по 466 р. 67 к. каждому за вычетомъ 2% на пенсін. Мнѣніе сіе благопочтительнѣйше представить на благоусмотрѣніе *Его Высокопреосвященства*.

IX. Заявленія стипендіатовъ и своекоштныхъ студентовъ, нынѣ окончившихъ курсъ въ Академіи: Павла Борисовскаго, Константина Богданова, Александра Лепорскаго, Петра Ярустовскаго, Павла Европина, Александра Яхонтова, Петра Полянскаго, Василія Сибирскаго, Якова Яцковскаго, Дмитрія Андреева, Александра Тарелкина, Алексеѣя Нечаева, Виктора Ѳедотова, Якова Матусевича, Николая Вознесенскаго, Дмитрія Ромашкова іеромонаха Іоанва (Рахманова) и іеромонаха Діонисія (Сосновскаго) о желаніи ихъ служить по духовно учебному вѣдомству.

X. Прошеніе оставленнаго въ минувшемъ учебномъ году при Академіи для приготовленія къ замѣщенію вакантныхъ каедръ кандидата Михаила Тарѣва: „Почтительнѣйше прошу Совѣтъ Академіи, на основаніи § 56 устава духовныхъ академій, ходатайствовать установленнымъ порядкомъ о скорѣйшемъ назначеніи меня на преподавательскую должность въ какую либо, если возможно, изъ центральныхъ семинарій и при томъ по специально богословскимъ или философскимъ предметамъ“.

Справка; 1) По §§ 49 и 56 устава духовныхъ семинарій и § 61 устава духовныхъ училищъ, помощники инспектора, преподаватели духовныхъ семинарій и учителя духовныхъ училищъ опредѣляются на должности при началѣ учебнаго года Святѣйшимъ Синодомъ, по представленію академическихъ Совѣтовъ. 2) По § 81 лит. в п. 2 устава духовныхъ академій, „предположенія о распредѣленіи окончившихъ академическій курсъ на учебно-воспитательныя должности въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ“ значится между дѣлами Совѣта Академіи, представляемыми чрезъ Епархіальнаго Преосвященнаго на утвержденіе Св. Синода. 3) Указомъ Св. Синода отъ 29 Апрѣля 1884 г. за № 4 предписано Совѣтамъ академій не позже 15 Іюля представлять въ Св. Синодъ соображенія о распредѣленіи воспитанниковъ академій на вакантныя мѣста и одновременно съ тѣмъ относительно воспитанниковъ, не получающихъ на первый разъ назначенія на духовно-учебную службу, сообщать свѣдѣнія о томъ, къ какой должности тотъ

или другой воспитанникъ признается наиболѣе способнымъ, каковыя свѣдѣнія и будутъ Центральнымъ Управленіемъ принимаемы во вниманіе при послѣдующемъ въ теченіе года замѣщеніи вакансій въ семинаріяхъ и училищахъ, которое будетъ совершаться на прежнихъ основаніяхъ, по непосредственному усмотрѣнію и распоряженію Центрального Управленія. 4) По § 159 устава духовныхъ академій, примѣч. 2, „своёкоштные студенты, въ случаѣ заявленнаго ими желанія поступить на духовно-учебную службу, опредѣляются на оную и на священнослужительскія мѣста на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и казеннокоштные“. 5) Указомъ Свят. Синода отъ 25-го ноября—7 Января 1886—7 года за № 2563 предписано Совѣтамъ академій, чтобы на будущее время они, по распредѣленіи, съ соблюденіемъ требованій циркулярнаго Синодальнаго указа отъ 29 апрѣля 1884 г. за № 4, окончившихъ курсъ академическихъ воспитанниковъ на мѣста по духовно-учебному вѣдомству, прочихъ, не получившихъ назначенія, воспитанниковъ обращали въ епархіи, по принадлежности, съ отсылкою документовъ въ подлежащія консисторіи.

Опредѣлили: 1) Благопочтительнѣйше просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Г. Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода о назначеніи окончившаго курсъ въ минувшемъ учебномъ году и оставленнаго при Академіи для приготовленія къ замѣщенію вакантныхъ каедръ Михаила Тарѣева на преподавательскую должность въ какую либо изъ центральныхъ семинарій по специально богословскимъ или философскимъ предметамъ. 2) По утвержденіи окончившихъ курсъ въ текущемъ году воспитанниковъ Академіи въ степени кандидата и званіи дѣйствительнаго студента, представить въ Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ полные списки съ обозначеніемъ ихъ успѣховъ и поведенія за четыре года и свѣдѣній о томъ, къ какимъ должностямъ они признаются наиболѣе способными, а въ Канцелярію Г. Оберъ-Прокурора Св. Синода представить таковыя же списки, не получившихъ на первый разъ назначенія по духовно-учебному вѣдомству, согласно указу Св. Синода отъ 29 апрѣля 1884 г. за № 4. 3) Воспитанниковъ, не получившихъ на первый разъ назначенія по духовно-учебному вѣдомству, по утвержденіи ихъ въ степени кандидата и званіи дѣйствительнаго студента и приготовленіи для нихъ дипломовъ и аттестатовъ, уволить въ епархіальное вѣдомство и документы ихъ выслать въ подлежащія духовныя консисторіи по мѣстамъ рожденія означенныхъ воспитанниковъ.

XI. Отчетъ оставленнаго въ прошломъ учебномъ году при Академіи для приготовленія къ замѣщенію вакантныхъ кафедръ Тихона Синьковского.

Въ минувшемъ учебномъ году я занимался изученіемъ трехъ отдѣловъ лютеранской и реформатской догматики: а) о сущности оправданія человѣка, б) о видимыхъ благодатныхъ средствахъ и в) о церкви. Занятія эти были продолженіемъ моихъ предшествующихъ работъ, такъ какъ одинъ изъ входящихъ въ эти отдѣлы вопросовъ, — именно ученіе лютеранской догматики о невидимости церкви, — былъ предметомъ моего кандидатскаго сочиненія. Последній вопросъ нельзя основательно понять, изслѣдовавъ только одинъ отдѣлъ о церкви: необходимо изучить его въ связи съ двумя предшествующими. Въ такомъ направленіи я велъ работу и при составленіи кандидатскаго сочиненія, но не достаточность времени заставляла сосредоточиться главнымъ образомъ на изученіи отдѣла о церкви, а съ двумя предшествующими ознакомиться только по символикамъ. Въ минувшемъ году я пополнилъ отчасти чтеніемъ нѣкоторыхъ специальныхъ изслѣдованій изученіе отдѣла о церкви, главнымъ же образомъ сосредоточился на отдѣлахъ о сущности и средствахъ оправданія и освященія человѣка.

Чтобы судить отчасти, на сколько идеи, провозглашенныя реформаторами, были подготовлены уже въ предшествующее время, я ознакомился съ ученіемъ предшественниковъ реформации, пользуясь литературой. Къ самымъ сочиненіямъ реформаторовъ до реформации я не обращался частію по отсутствію ихъ въ академической бібліотекѣ, а нѣкоторыхъ, какъ напр. большинства сочиненій Викифа, и вообще въ печати, частію потому, что эта часть работы не составляла моего главнаго предмета. — Изъ прочитанныхъ мною сочиненій, касающихся исторіи и ученія перваго изъ предшественниковъ реформации Викифа, отмѣчу труды Бёрингера, Йегера, Левальда и Лехлера. — Исторія предшественниковъ реформации Бёрингера (*D. Vorreformatoren d. vierzehnten u. fünfzehnten Jahrh. 1856—1858*) — трудъ, хотя уже устарѣвшій въ настоящее время, но не бесполезный, какъ сводъ матеріала. Изслѣдованіе Йегера (*John Wicliffe u. seine Bedeutung für d. Reformation 1854*) представляетъ краткій популярный очеркъ и научнаго значенія не имѣетъ. — Статьи Левальда (*Zeit. für die Histor. Theol. 1846—47*) были до появленія труда Лехлера лучшимъ изложеніемъ богословія Викифа, но такъ какъ авторъ ихъ пользовался только напечатанными сочиненіями Викифа, главнымъ обра-

зомъ его діалогомъ и триалогомъ, то и изслѣдованіе его не могло получить желательной законченности и полноты.—Заслуга полного и точнаго изложенія богословскихъ воззрѣній Виклифа безспорно принадлежитъ Лехлеру. Предметъ его сочиненія — исторія предшественниковъ реформаціи вообще, но главнымъ образомъ авторъ направилъ усилія на изученіе богословія Виклифа; онъ пользовался не только напечатанными трудами послѣдняго, но—и даже главнымъ образомъ—тѣми, которыя находятся въ рукописяхъ и хранятся въ разныхъ западныхъ бібліотекахъ. Не вдаваясь въ подробное изложеніе тѣхъ сторонъ ученія Виклифа, которыя съ достаточною точностію и полнотой были изложены въ предшествующихъ трудахъ, Лехлеръ останавливается главнымъ образомъ на такихъ, которыя были только затронуты или же представлены вслѣдствіе неполноты источниковъ въ ненадлежащемъ свѣтѣ. Трудъ Лехлера, по его собственному выраженію „трудъ цѣлой жизни“, можно считать послѣднимъ словомъ западной науки по изученію богословія Виклифа.

Исторію и ученіе предшественниковъ гусситства въ Богеміи я изучалъ, во первыхъ, по указаннымъ сочиненіямъ Бѣрингера и Лехлера (2-ые томы) и, во вторыхъ, по небольшому, но весьма важному благодаря своду дословныхъ выдержекъ изъ сочиненій предшественниковъ гусситства, изслѣдованію Йордана (*D. Vorläufer d. Husitenthums in Böhmen. 1846*). — Для ознакомленія съ ученіемъ самого Гуса кромѣ относящихся сюда трактатовъ Бѣрингера и Лехлера служили еще—изслѣдованіе Фридриха (*D. Lehre d. Johannes Hus... 1862*) и статья Готтшикка (*Zeit. f. Kirchengeschichte 1886*). Оба послѣдніе труда весьма важны для установки правильнаго взгляда на реформаторское значеніе богословскихъ воззрѣній Гуса; они доказываютъ, что Гусъ не особенно тѣсно приблизился къ идеямъ реформаторовъ, что въ его взглядахъ было много не выходящаго изъ строя мыслей средневѣковой римско-католической догматики.

Что касается изученія богословія Лютера, то въ этой области моя работа заключалась въ слѣдующемъ. Прежде всего я читалъ по сочиненіямъ самого реформатора всѣ мѣста, въ которыхъ онъ высказываетъ свой взглядъ на сущность оправданія человѣка и на видимыя благодатныя средства, пользуясь регистромъ, которымъ снабжено находившееся у меня подъ руками изданіе.—Въ ученіи реформатора объ этомъ предметѣ можно различить два главные періода развитія—до начала борьбы съ край-

нимъ спиритуализмомъ и во время нея. Первый отличается большей свободой мистики, большей наклоностью къ спиритуализму. Въ сочиненіяхъ, относящихся къ этому времени, неоднократно встрѣчаются выраженія и даже цѣлыя ряды мыслей, повидимому говорящіе о томъ, что Лютеръ склонился къ полному отрицанію объективнаго значенія видимыхъ благодатныхъ средствъ и церкви, какъ учрежденія, задача котораго — распространять среди всего человѣчества благодать искупленія, признавалъ отношенія вѣрующей души ко Христу и доступъ къ благодати искупленія чисто духовными, не зависящими ни отъ чего внѣшняго, а церковь — совокупностью всѣхъ истинно вѣрующихъ и потому духовной, невидимой. Но такой выводъ относительно Лютера этого періода былъ бы ошибоченъ: въ другихъ случаяхъ онъ ясно признавалъ объективное значеніе таинствъ и вмѣстѣ церковь, какъ учрежденіе, а это заставляетъ предполагать, что всѣ упомянутые выраженія вызваны односторонне-объективнымъ направленіемъ католицизма, тѣмъ болѣе, что они встрѣчаются главнымъ образомъ въ сочиненіяхъ полемическаго характера. — Специфическія черты втораго періода — не только особенно ясное и настойчивое проведеніе идеи объективнаго значенія видимыхъ благодатныхъ средствъ, но и горячая полемика противъ спиритуализма. — Для уясненія этого фазиса въ развитіи богословія Лютера я пользовался книгой Erbkam' a: „Geschichte d. protestantischeu Sekten im zeitalter d. Reformation“ (1848). Авторъ съ сначала показываетъ отношеніе протестантскаго ученія къ мистикѣ вообще и затѣмъ излагаетъ ученіе тѣхъ изъ протестантовъ, у которыхъ мистическій принципъ нашелъ особенно рельефное выраженіе — Карлштадта, Себастіана Франка, Швенкфельдта, анабаптистовъ и др.. Книга знакомитъ такимъ образомъ съ тѣми воззрѣніями, противъ которыхъ была направлена полемика Лютера. — Какъ пособіями, я пользовался, — при изученіи догматическихъ воззрѣній Лютера, — двумя извѣстными систематическими изложеніями его богословія Кѣстлинга и Гарнака и статьями Дикгофа (Theologische zeischr. 1860, 5; 1861, I—II). Здѣсь подъ общимъ заглавіемъ „Luther's Lehre v. d. gnade“ изложены основныя черты богословія реформатора. Изъ древнѣйшихъ отцевъ Лютеръ ближе всего стоитъ къ Августину. Поэтому Дикгофъ предпосылаетъ изложенію богословія Лютера раскрытіе характеристическихъ воззрѣній Августина¹⁾.

¹⁾ „Augustin's Lehre v. d. Gnade . Theol. zeit. 1860. I—IV.